

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.34>

Соколова Марина Геннадьевна

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ТОПОЛЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX-XX ВЕКОВ И В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА "СТЕПЬ"

В статье впервые проводится сопоставление языковых репрезентаций образа тополя в русской поэзии XIX-XX веков и в повести А. П. Чехова "Степь". В результате анализа выявлен состав компаративных тропов тематической сферы "Человек", характеризующих данный образ. Определены универсальные семантические признаки, актуализируемые соответствующими тропами: 'звук', 'поведение', 'состояние', 'возраст', 'форма', 'признак'. Установлено, что к категории "универсальное" в языковом воплощении образа тополя в русской поэзии XIX-XX веков и повести А. П. Чехова "Степь" относятся семантические признаки 'стройный', 'одинокий', 'смотреть', а также принцип народно-песенного параллелизма. Категория "индивидуальное" проявляется в особенностях реализации данных семантических признаков в поэтическом и прозаическом контекстах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 169-173. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

14. Шахбанова М. М. Инокультурное влияние и его отражение на этническом самочувствии малочисленных дагестанских народов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inokulturnoe-vliyanie-i-ego-otrazhenie-na-etnicheskom-samochuvstvii-malochislennyh-dagestanskih-narodov> (дата обращения: 16.10.2019).
15. Ярмольская И. Ю. Лингвистический аспект изучения современного церковного послания [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-aspekt-izucheniya-sovremennogo-tserkovnogo-poslaniya> (дата обращения: 30.10.2019).
16. https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_bible/ (дата обращения: 30.10.2019).
17. <https://lexicography.online/etymology/> (дата обращения: 30.10.2019).

INFLUENCE OF THE GREEK LANGUAGE ON THE RUSSIAN ORTHODOX VOCABULARY

Skomarovskaya Anastasiya Anatol'evna
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
rakhliitska@mail.ru

The article reveals the linguo-cultural peculiarities of the Russian Orthodox vocabulary. Using an etymological analysis, the author examines different etymological strata of the Russian Orthodox vocabulary and traces the influence of the Greek language in the structural and semantic aspects. The paper analyses both the cases of direct and mediated borrowing (word-formative and semantic calque). The conclusion is made about the dominating influence of the Greek Orthodox culture on the formation of the basic spiritual concepts of the Russian linguo-culture.

Key words and phrases: Orthodox vocabulary; Grecisms; Church Slavonic language; word-formative calques; semantic calques.

УДК 81'373.7:801.631.5

Дата поступления рукописи: 14.11.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.34>

В статье впервые проводится сопоставление языковых репрезентаций образа тополя в русской поэзии XIX-XX веков и в повести А. П. Чехова «Степь». В результате анализа выявлен состав компаративных тропов тематической сферы «Человек», характеризующих данный образ. Определены универсальные семантические признаки, актуализируемые соответствующими тропами: 'звук', 'поведение', 'состояние', 'возраст', 'форма', 'признак'. Установлено, что к категории «универсальное» в языковом воплощении образа тополя в русской поэзии XIX-XX веков и повести А. П. Чехова «Степь» относятся семантические признаки «стройный», «одинокий», «смотреть», а также принцип народно-песенного параллелизма. Категория «индивидуальное» проявляется в особенностях реализации данных семантических признаков в поэтическом и прозаическом контекстах.

Ключевые слова и фразы: А. П. Чехов; русская поэзия; образ тополя; компаративные тропы; образная парадигма; семантический признак.

Соколова Марина Геннадьевна, к. пед. н., доцент
Тольяттинский государственный университет
msok71@mail.ru

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ТОПОЛЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX-XX ВЕКОВ И В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»

Одним из концептуальных положений современной лингвопоэтики, теории художественной речи является понимание того, что «прозаические и поэтические тексты выражают “глубинное семантическое представление о мире” и образуют “единый идиолект”», развитие которого осуществляется «не в замкнутой системе, а в системе и истории поэтического языка, где происходит диалог (полилог) поэтических мышлений» [17, с. 253]. Проявлением этой диалогичности и полилогичности поэтических мышлений становятся устойчивые поэтические образы, изучаемые в рамках группы текстов и идиостилей в работах по исторической поэтике [1], в лингвопоэтических и литературоведческих исследованиях [3; 18]; в лингвистических трудах в аспекте парадигмы образов по принципу инвариантности [7; 8; 12] и интертекстуальности [9; 16; 20].

В связи с изучением устойчивых образов в системе поэтического языка возникает проблема выявления универсального и индивидуального в идиостилиях конкретных авторов. **Актуальность** предлагаемого исследования определится появлением большого количества новых методов изучения образных единиц поэтической речи (что следует из представленного выше обзора некоторых из них), а также необходимостью дальнейшего описания инвариантных моделей авторского метафорического изображения действительности. Предметом исследования в настоящей статье является сопоставление языковых репрезентаций образа тополя в русской поэзии XIX-XX веков и в повести А. П. Чехова «Степь».

В литературоведческих работах образ тополя в обозначенной повести не раз становился объектом внимания исследователей. Так, в трудах М. П. Громова отмечается особая любовь А. П. Чехова к этому виду деревьев,

рассматриваются композиционная роль образа тополя в повести «Степь» и связанные с ним философские мотивы одиночества, вечности природы и мимолетности жизни человека, равнодушия вечной природы к человеку [4; 5]. В статье И. В. Грачевой, посвященной фольклорным мотивам в данной повести, прослеживается связь тополя с фольклорным образом одинокого дерева [2]. Однако рассмотрение языкового воплощения образа тополя А. П. Чеховым в контексте общепозэтической традиции XIX-XX веков не предпринималось в филологических трудах. **Научная новизна** настоящего исследования обусловлена тем, что в нем даются систематизация и семантический анализ тропеических средств, характеризующих образ тополя в русской поэзии XIX-XX веков и в повести А. П. Чехова, с опорой на принцип образных парадигм [12].

Цель предлагаемой статьи – выявить особенности языковой репрезентации образа тополя в русской поэзии XIX-XX веков и в повести А. П. Чехова «Степь» в аспекте «универсальное – индивидуальное». Достижение поставленной цели связывается нами с решением следующих **задач**: 1) определить состав компаративных тропов тематической сферы «Человек», характеризующих образ тополя в русской поэзии XIX-XX веков и в повести А. П. Чехова «Степь»; 2) выявить универсальные и индивидуальные семантические признаки, актуализируемые данными тропами. Оппозиция «универсальное – индивидуальное» в данной статье понимается как устойчивое, частотно повторяющееся в общепозэтическом языке – специфическое в авторском идиостиле.

Исследование выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка¹ [11], а также текста повести А. П. Чехова «Степь» [19]. Объем проанализированного материала составил 446 текстовых фрагментов, содержащих тропеические средства репрезентации образа тополя в поэтических произведениях XIX-XX веков, и один текстовый фрагмент из повести А. П. Чехова «Степь», включающий описание тополя.

Представим результаты проведенного исследования. По нашим наблюдениям, в русской поэзии XIX-XX веков наиболее частотной при метафорическом обозначении тополя является антропоморфная персонификация (представление неодушевленного предмета в человеческом облике [6, с. 198]). Средствами её репрезентации являются тропы с образами сравнения (то есть источниками метафорического уподобления) тематической сферы «Человек» (66% от общего количества тропов, характеризующих тополь в поэтических контекстах).

В состав данной тематической сферы вошли следующие образные парадигмы (инвариантные модели, по которым создаются группы сходных поэтических образов [12]), объединяющие соответствующие частные тропеические номинации:

1) «тополь – поведение человека» – парадигма включает тропы с образами сравнения, обозначающими речевую и психическую деятельность, физические действия и процессы, физиологические состояния и т.п., например: *Заснули тополи, умолкли гальционы* (А. Н. Майков. «Я в гроте ждал тебя в урочный час...». 1840-1841); *Река бушует темными волнами, / А нежный тополь, что шумел весной / В лазури утренней и пел про счастье, / Теперь дрожит под холодом ненастья* (Д. С. Мережковский. Вера. 1890); *Как же сможешь ты тополю помочь? / Чем залечишь ты его деревянные раны?* (С. А. Есенин. Пугачев. 1921); *Я вышел снова, / Стихом размеренным звеня, / И тополя просили слова / В порядке прений у меня* (А. А. Прокофьев. «Любимая...». 1927-1928); *Эх, смоковница тополя у речки, / Запотевшей от дождя, / О тебе нельзя вести речи / Так себе, судя да рядя. / Ты пьешь мою память, как когда-то / Выливалась близкие небеса* (Н. Оболдуев. «Эх, смоковница тополя у речки...». 1932) и др.;

2) «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека» – парадигма содержит тропы с образами сравнения с соответствующим значением: *Тебе побегов тополь чинный / Даст для венца* (А. А. Фет. «Хотя по-прежнему зеваю...». 1869); *Я стройна, как гордый тополь* (В. В. Хлебников. «Воды тихи; воздух красен...». 1911-1912); *Ленивых тополей теперь не жаль* (М. А. Кузмин. «Ты слышишь ветер? Солнце и февраль!...». 1924); *Лукавый тополь, нас уча, / Шумел на смешанном наречьи* (Н. С. Тихонов. «Как вымысел ушельем рта...». 1924); *А тополь встал самолюбиво* (О. Э. Мандельштам. «Пластинкой тоненькой жиллета...». 1936); *На том горластом тополе / Аукались птенцы* (Г. Н. Оболдуев. «Она его любила...». 1932); *Отец – продроглый лысый тополь* (Н. А. Клюев. «Хозяин сада смугл и в рожках...». 1933); *Торчали в седых тополях / Свидетели первых светаний* (Г. Н. Петников. Воспоминание. 1933); *Тополь встал у забора, / Высокий, рыжебородый* (В. А. Луговской. На смерть друга. 1956) и др.;

3) «тополь – части тела человека» – парадигма с образами сравнения, обозначающими части тела человека: *Брови тополей изогнулись торчком* (В. Г. Шершеневич. «Вы всё грустнее...». 1913-1915); *Как будто тополь, в ночь разлуки / Грозу качающий в груди* (Вс. А. Рождественский. «В столовой музыка и пенье...». 1923-1926); *Хранит под сердцем тополь одинокий / Свинец давно уже остывших пуль* (П. Н. Васильев. Песня об убитом. 1927); *Был битвой дуб, и тополь – потрясенем. / Сто тысяч листьев, как сто тысяч тел, / Переплетались в воздухе осеннем* (Н. А. Заболоцкий. Ночной сад. 1936); *...и тополя с их простотою, они, а не пелух, кричат: рука к руке, нога с ногою!* (А. Н. Николев (Егунов). «Стоит моя луна высоко...». 1929); *И тополей неспящих, / Зеленых языков, / Шуришащих и дразнящих* (В. Т. Шаламов. «Неосторожный юг...». 1937-1956); *И тополя, к спине спина (от них тебе поклон)* (М. Н. Айзенберг. «Вот пух: он так же сам собой...». 1991) и др.;

4) «тополь – социальные признаки человека» – парадигма включает тропы с образами сравнения, обозначающими род деятельности, профессиональных занятий, родственные и социальные связи человека: *Ровесник мой тополь, мы молоды оба равно* (А. А. Григорьев. Тополю. 1847); *И старый тополь – точно маг / В остроконечной темной шапке* (В. И. Нарбут. Сад. 1909); *Глядится тополь, милый брат* (Г. В. Иванов.

¹ Все примеры поэтических фрагментов приводятся по данному источнику.

«Я вывожу свои заставки...». 1913-1914); *О, тополь-рыбак* (В. В. Хлебников. «Весеннего Корана...». 1919); *Подростков-тополей чреду, Они для глаза тем приметней, / Что вся тайга еще в виду* (А. Т. Твардовский. Еще о Сибири. 1958) и др.;

5) «тополь – библейские, мифологические и т.п. существа» – парадигма с образами сравнения, называемыми библейских, мифологических, фантастических существ: *Тополи над спящими водами, / Как призраки, стоят* (А. Н. Плещеев. Странник. 1845); *Играя мальчиком у тополя-титана, / Планету выдумал я раз для детворы* (Д. Л. Андреев. Орлионтана. 1955).

Основаниями для ассоциативного уподобления тополя человеку являются следующие универсальные (регулярно воспроизводимые в русской поэзии) признаки, формирующие образ тополя как объекта пейзажного описания:

– ‘звук’ (кричать, петь, шептать): *Глядят из сада ветки / Берез и тополей / И шепчут: «Охраняем Мы тихий сон детей...»* (А. Н. Плещеев. «Огни погасли в доме...». 1880); *Ты слышишь, тополь песню об убитом / Поет листвою под тихий звон ручья?* (П. Н. Васильев. Песня об убитом. 1927); *Тополя веселые кричали: «Выше сердца падает роса!»* (А. А. Прокофьев. «В первоклассных песнях прогремела...». 1932);

– ‘поведение’ (бегать, ходить, смотреть, слушать): *Безрадостна бывает грусть, / Как тополь, в синеву смотрящий* (А. А. Блок. «Безрадостна бывает грусть...». 1905); *Молитвословию с бугров / Внимают тополи-монахи* (Н. А. Клюев. Ночь на Висле. 1914-1916); *И сразу / тополи сорвались с мест, / пошли, / затопали* (В. В. Маяковский. Необычайное. 1923); *Так любовно бы мы глядели, / Их стремленьем взор веселя, / На летающий дождь камелий, / На бегущие тополя!* (В. Ф. Перелешин. Поэма о мироздании. 1942);

– ‘состояние’ (спать, волнение): *Льется вода. / Спят тополя* (В. В. Хлебников. Лесная тоска. 1919-1921); *И тополя волнение / В расцветающем саду* (С. И. Липкин. Первое забвенье. 1943);

– ‘возраст’ (молодой): *Словно тополя юные ветви... / Словно Днепр зашумел мне вдали* (Е. Г. Полонская. Черный агат. 1930);

– ‘форма’ (устремленный вверх): *Тополя пирамидальные / К небу рвутся – без границ* (Л. Н. Трефолев. Песня о полушубке. 1890);

– ‘признак’ (высокий, стройный, ленивый, безопасность, сиротливый, одинокий): *Тополь ростом горделивым / Измеряет небеса* (В. Г. Бенедиктов. Южная ночь. 1839); *Раскачиваются тополя лениво, бормоча «засни»* (И. В. Юрков. «Станция тополей...». 1927); *Тополи стали спокойствия мерами, ночей сторожами, / милиционерами* (В. В. Маяковский. Необычайное. 1923); *Зябнет тополь сиротливый, / Стынут маленькие руки* (В. К. Обухов. Кукольная маркиза. 1933).

В повести А. П. Чехова «Степь» одинокий тополь на вершине холма изображается в восприятии главного героя Егорушки как живое существо. Персонафикация тополя актуализируется тропами, входящими в состав двух образных парадигм:

– «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»: *От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза; Счастлив ли этот красавец?* (А. П. Чехов. Степь. 1888);

– «тополь – поведение человека»: *осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беснующего, сердито воющего ветра, а главное – всю жизнь один, один* (А. П. Чехов. Степь. 1888). В данных примерах главный герой передает взгляд на окружающий мир с позиции тополя.

Посредством обозначенных тропических образов в рассматриваемой повести А. П. Чехова актуализируются универсальные, регулярно повторяющиеся в русской поэзии XIX-XX веков семантические признаки, характеризующие тополь как предмет сравнения в составе тропов:

– ‘стройный’ – данный семантический признак в поэтических произведениях выражается как на уровне прямых номинаций, так и на тропическом уровне (наблюдается у Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, В. В. Хлебникова, А. Мусатова и др.): *Лишь стройный тополь блещет серебром* (Д. С. Мережковский. Вера. 1890); *Влюбленная Астарта дремля улыбается / Над стройностью святой изящных тополей* (В. В. Набоков. «Кузнечик кузнечик звучно откликается...». 1916); *В сад, где стройны тополя* (В. Я. Брюсов. Крысолов. 1904); *Наверное, стройные тополи / Смотрят на праздник в пыли* (В. В. Хлебников. В лесу. 1913); *Меня встречает с мыса стройный тополь, / Как будто в тоге* (А. Туфанов. «Я бросил в море ландышей фиалы...». 1917) и др.;

– ‘одинокий’ (данный семантический признак выражается как на уровне прямых номинаций, так и на тропическом уровне): *Склонюсь к земле, как тополь одинокой* (П. А. Плетнев. К А. С. Пушкину. 1822); *Хранит под сердцем тополь одинокий / Свинец давно уже остывших пуль* (П. Н. Васильев. Песня об убитом. 1927); *Темнеет тополь одинокий – Пристаннице заморских птиц* (Д. Л. Андреев. «Уж не грустя прощальной грустью...». 1950);

– ‘смотреть’ (встречается у Д. М. Ратгауза, А. А. Блока, В. В. Хлебникова, И. П. Уткина, И. Г. Эренбурга, Г. В. Иванова, С. М. Городецкого и др.): *Смотрится тополь в окно* (Д. М. Ратгауз. «Снова, как прежде, один...». 1893); *Безрадостна бывает грусть, / Как тополь, в синеву смотрящий* (А. А. Блок. «Безрадостна бывает грусть...». 1905); *Над речкой тополи привстали / Глядеться в глубину* (С. М. Городецкий. «Вечерний свет в избе на бревнах...». 1912); *Наверное, стройные тополи / Смотрят на праздник в пыли* (В. В. Хлебников. В лесу. 1913); *В окошко выбеленной кельи / Глядится тополь, милый брат* (Г. В. Иванов. «Я вывожу свои заставки...». 1913-1914).

Рассмотрим особенности данных семантических признаков в русской поэзии XIX-XX веков и повести А. П. Чехова «Степь». Как следует из приведенных выше примеров, семантические признаки ‘стройный’ и ‘одинокий’ в поэтических контекстах преимущественно выражаются прямыми номинациями: *стройный* –

«отличающийся правильным, пропорциональным соотношением частей, изяществом линий» (о деревьях и т.п.) [14]; *одинокий* – «находящийся, пребывающий где-либо отдельно от других» [13]. У А. П. Чехова данный признак реализуется метафорически (*стройная фигура; всю жизнь один*), что оживляет «внутреннюю форму» и «двуплановость содержания» [10] стереотипных языковых средств.

Если в поэтических контекстах стройность и одиночество тополя передают в большей мере онтологические свойства самой предметной реалии (высокий тонкий ствол, ветви, устремленные ввысь, отдельное место произрастания [15]), то в рассматриваемой повести тополь становится символом печального одиночества человека и обреченности его судьбы [2; 4]. Близкие символические значения в русской поэзии выражают другие тропы с образом сравнения «тополь – сирота» (*Зябнет тополь сиротливый* (В. К. Обухов. Кукольная марка. 1933); *Где печалит сердце тополь сиротливый у окна* (В. К. Обухов. Кукольная марка. 1933)).

Образ тополя в повести А. П. Чехова и образ одинокого, сиротливого дерева в русской поэзии основаны на принципах народно-песенного параллелизма, для которого характерно проведение аналогии между явлениями природы и человеческой жизнью [1, с. 122]. Так, по наблюдениям И. В. Грачевой, символическое значение «тополь – одиночество» в повести А. П. Чехова «Степь» восходит к стихотворению А. Мерзлякова, ставшему популярной народной песней «Среди долины ровныя», в которой образ дуба представлен в виде молодца, жалующегося на одинокую судьбу: *Ах, скучно одинокому / И дереву расти! / Ах, горько молодцу / Без милой жизнь вести! / Есть много сребра, золота: / Кому их подарить? / Есть много славы, почестей: / Но с кем их разделить* [2]? Как отмечает автор, в дальнейшем этот образ одинокого дерева проникает и в сферу изобразительного искусства: И. И. Шишкин пишет картину «Среди долины ровныя», А. М. Васнецов создает художественное полотно «Тополь» [Там же].

Таким образом, языковая репрезентация образа тополя в русской поэзии XIX–XX веков преимущественно представлена тропами тематической сферы «Человек», включающей пять образных парадигм: 1) «тополь – поведение человека»; 2) «тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; 3) «тополь – части тела человека»; 4) «тополь – социальные признаки человека»; 5) «тополь – библейские, мифологические и т.п. существа».

Поэтический образ тополя в пейзажных описаниях формируется с помощью следующих универсальных, то есть регулярно воспроизводимых в русской поэзии, признаков: ‘звук’ (кричать, петь, шептать); ‘поведение’ (бегать, ходить, смотреть, слушать); ‘состояние’ (спать, волнение); ‘возраст’ (молодой); ‘форма’ (устремленный вверх); ‘признак’ (высокий, стройный, ленивый, безопасность, сиротливый, одинокий).

Категорию «универсального» в языковом воплощении образа тополя в повести А. П. Чехова «Степь» выражают тропы в составе двух образных парадигм («тополь – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека» и «тополь – поведение человека»), актуализирующие регулярно воспроизводимые в русской поэзии семантические признаки: ‘стройный’, ‘одинокий’, ‘смотреть’.

Проявлением универсального можно также считать принцип народно-песенного параллелизма, лежащий в основе построения образа одинокого стройного тополя в повести А. П. Чехова и в русской поэзии.

Однако в поэтических текстах данный образ обусловлен онтологическими свойствами тополя, в прозаическом фрагменте из повести А. П. Чехова «Степь» тополь становится символом печального одиночества человека и обреченности его судьбы. В этом выражается категория «индивидуальное» в языковой репрезентации образа тополя.

Список источников

1. **Веселовский А. Н.** Историческая поэтика / вступ. ст. И. К. Горского; коммент. В. В. Мочаловой. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
2. **Грачева И. В.** Фольклорные мотивы в повести А. П. Чехова «Степь» // Литература в школе. 2002. № 7. С. 7-10.
3. **Григорьева А. Д., Иванова Н. Н.** Поэтическая фразеология Пушкина. М.: Наука, 1969. 387 с.
4. **Громов М. П.** Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
5. **Громов М. П.** Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1958. 218 с.
6. **Емельянова О. Н.** Олицетворение // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта; Наука, 2005. С. 198-200.
7. **Ковтунова И. И.** Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста / под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1990. С. 7-27.
8. **Кожевникова Н. А.** Гнезда тропов русской литературы XIX–XX веков // Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. ред. З. Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 601-604.
9. **Кузьмина Н. А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. Екатеринбург – Омск: Изд-во Урал. ун-та; Омский гос. ун-т, 1999. 268 с.
10. **Москвин В. П.** Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справ. М.: УРСС, 2004. 247 с.
11. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.11.2019).
12. **Павлович Н. В.** Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.
13. **Словарь русского языка:** в 4-х т. Изд-е 3-е, стер. М.: Русский язык, 1986. Т. 2. К – О / под ред. А. П. Евгеньевой. 736 с.
14. **Словарь русского языка:** в 4-х т. Изд-е 3-е, стер. М.: Русский язык, 1988. Т. 4. С – Я / под ред. А. П. Евгеньевой. 800 с.
15. **Соколова М. Г.** Развитие семантических признаков признаков дендронима «тополь» в поэтическом языке XIX–XX веков // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 148-153.

16. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. М.: ЯСК, 2017. 359 с.
17. Фатеева Н. А. Семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка // Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю., Бакина М. А. и др. Очерки истории языка русской поэзии XX века: образные средства поэтического языка и их трансформация / отв. ред. Е. А. Некрасова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1995. С. 178-256.
18. Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 163 с.
19. Чехов А. П. Степь: история одной поездки / худож. Е. Ларская. М.: Современник, 1989. 63 с.
20. Чумак-Жунь И. И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. М.: Директ-Медиа, 2014. 227 с.

THE UNIVERSAL AND THE INDIVIDUAL IN LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE POPLAR IMAGE IN THE RUSSIAN POETRY OF THE XIX-XX CENTURIES AND IN A. P. CHEKHOV'S STORY "THE STEPPE"

Sokolova Marina Gennad'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Togliatti State University
msok71@mail.ru

The article for the first time compares linguistic representations of the poplar image in the Russian poetry of the XIX-XX centuries and in A. P. Chekhov's story "The Steppe". The analysis has allowed identifying the range of comparative tropes of the subject area "Human". The universal semantic features actualized by the appropriate tropes "sound", "behaviour", "state", "age", "form", "feature" are identified. It is shown that the semantic features "slim", "lonely", "to see" and the principle of folk-song parallelism refer to the category "universal" in the linguistic representation of the poplar image in the Russian poetry of the XIX-XX centuries and in A. P. Chekhov's story "The Steppe". The category "individual" manifests itself in the specificity of realization of these semantic features in poetical and prosaic contexts.

Key words and phrases: A. P. Chekhov; Russian poetry; poplar image; comparative tropes; figurative paradigm; semantic feature.

УДК 8; 81-26

Дата поступления рукописи: 16.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.35>

Статья посвящена описанию семантики частиц 'еще', 'же', 'именно', 'ну', 'так', 'это' в вопросительных предложениях с наречиями 'где', 'куда' и 'откуда'. Цель статьи – определить семантический вклад данных частиц в вопросы со словами 'где', 'куда' и 'откуда', а также выявить выполняемые ими функции в высказываниях. Например, одной из функций данных частиц является указание на добавление новых объектов к имеющимся, а частица 'же' возвращает адресата к ситуации разрешения информационной недостаточности. В статье подробно описаны значения каждой из перечисленных частиц, показаны условия реализации той или иной функции.

Ключевые слова и фразы: частица; вопросительное предложение; локативный вопрос; местоименное наречие; лексический состав вопросительного предложения.

Чжан Юэ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
zhangyuelarisa@yandex.ru

ЧАСТИЦЫ В ВОПРОСАХ С НАРЕЧИЯМИ ГДЕ, КУДА И ОТКУДА

В вопросительных предложениях с наречиями *где*, *куда* и *откуда* могут употребляться частицы, которые определенным образом влияют на семантику вопросительных предложений. Это такие частицы, как *да*, *еще*, *же*, *именно*, *ну*, *так*, *там*, *только*, *уж*, *это*. Цель данной статьи – рассмотреть и проанализировать значения частиц в вопросах со словами *где*, *куда* и *откуда*. В работе использовались описательный метод и метод семантического и прагматического анализа вопросительных предложений в разных речевых контекстах. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые выявляется специфика употребления частиц в вопросах с наречиями *где*, *куда* и *откуда*. Результаты исследования могут служить материалом для курсов по семантике и прагматике, а также для преподавания русского языка как иностранного.

В статье ставятся следующие **задачи**: 1) выявить, какие частицы употребляются в вопросительных предложениях в первичной функции, т.е. в вопросах; 2) описать значение данных частиц и определить их вклад в семантику вопросов со словами *где*, *куда* и *откуда*; 3) проанализировать функции, выполняемые частицами в высказываниях.

Вопросительные предложения в своей первичной функции выражают вопросы, а во вторичных функциях они употребляются для выражения возражения на чужое мнение, отказа от выполнения действия, оценки действия как неуместного и т.д. Перечисленные выше частицы различаются тем, что не все они употребляются в вопросах, т.е. в вопросительных предложениях первичной функции (о первичной и вторичной функциях